

У нас родился ВЕЛИКИЙ АРТИСТ

Ф. И. ШАЛЯПИН.

В фондах Уфимского художественного музея имени М. В. Нестерова хранится эскиз костюма одного из персонажей оперы «Юдифь». Его написал художник Серов по просьбе владельца московской частной оперы Мамонтова, собиравшегося ставить «Юдифь» на своей сцене. В опере одну из заглавных партий должен был исполнять Федор Иванович Шалыпин. Для него, собственно, и готовились новые эскизы костюмов и декораций. Это было шестьдесят с лишним лет тому назад.

Тот эскиз, что лежит в музее, пожалуй, единственная вещь, связанная с именем великого певца, сохранившаяся в Уфе, где Федор Иванович начал свою блестящую сценическую карьеру, здесь впервые, как писал сам впоследствии, «вдохнул пыль кулис, узнал завлекающий гул зала перед поднятием занавеса и, главное, свет рампы».

Но старожилы Уфы, бывшие свидетелями сценического рождения великого певца, не оставили нам даже воспоминаний о первых выступлениях Шалыпина. Не оставил никто, кроме самого Шалыпина. Его воспоминания и легли в основу этого рассказа.

В Уфу Федор Иванович приехал на пароходе сентябрьским утром 1890 года. Перед этим, в Казани ему удалось устроиться хористом в опереточную труппу известного по городам Поволжья антрепренера Семенова-Самарского, собиравшегося на гастроли в Уфу. Город встретил семнадцатилетнего паренка неприветливо: было холодно, без конца моросил дождь. Юноше такая погода не предвещала ничего хорошего; теплой одежды у него не было, в рваные сапоги то и дело набивалась дорожная грязь. Вид у него был не из приличных. Так что когда худущий, долговязый паренек предстал перед швейцаром гостиницы, последний даже не выпустил его в помещение. Пришлось разуться, чтобы получить разрешение пройти к антрепренеру.

Труппа Януша Семенова-Самарского была небольшой. Официально она называлась опереточной труппой, но в ее репертуаре были и оперы, и драматические спектакли. Начались репетиции. Федя Шалыпин старательно разучивал незнакомые партии из комической оперетки австрийского композитора А. Замара «Певец из Палермо», старался подогнать для своей фигуры старенький костюм «под испанца».

26 октября 1890 года в летнем театре состоялось первое представление. Уфимские зрители, прочитавшие в афишах «вторые басы: Афанасьев и Шалыпин», вряд ли догадывались, что неизменно худой юноша, стоявший в первом ряду хористов, с подрагивающей от страха ногой и есть «второй бас Ф. Шалыпин».

«Все у меня дрожало от страха и радости,— вспоминал впоследствии Шалыпин о своем первом выступлении на сцене.— Я был как во сне. Публика кричала, аплодировала, а я готов был плакать от волнения. Лампы-молнии, стоявшие перед рампой, плясали огненный танец. Черная пасть зрительного зала, наполненная ревом и всплесками белых рук, была такой весело-грозной».

Шли недели. Шалыпин понемногу привык к театру. Для него уже стало обычным выходить вместе с другими хористами на сцену: Феде стали даже доверять маленькие роли в два-три слова. А вскоре случай помог ему выступить с сольной партией в опере.

К рождественным праздникам решено было подготовить оперу польского композитора Монишко «Гальку». Распределили роли, все ответственные партии достались уже опытным артистам. Исполнитель роли Стольника за два дня до генеральной репетиции закапризничал и наотрез отказался принять участие в спектакле. Создалось, казалось бы, безвыходное положение. Оставалось одно: за два дня разучить всю партию кому-либо из хористов. Выбор пал на Федю Шалыпина. Семенов-Самарский вызвал его к себе и спросил:

— Шалыпин, можете вы спеть партию Стольника?

Юноша знал, какую большую ответственность берет на себя в случае согласия, чувствовал, что следует отказаться, но все же ответил, что может.

— Так вот, возьмите ноты и выучите к завтраму...

Всю ночь просидел Федя над нотами, не давая спать своим товарищам по комнате. 18 декабря 1890 года состоялось первое представление оперы. Этот день можно смело назвать днем рождения артиста Федора Ивановича Шалыпина. Он первый раз в своей жизни спел сольную партию. Этот день он запомнил с мельчайшими подробностями: «Взвился занавес. Затанцевали лампы. Желтый туман ослепил меня. Я сидел неподвижно, крепко пришитый к креслу, ничего не слыша, и только когда Дземба спел свои слова, я нетвердым голосом, автоматически начал:

Я за дружбу и участие,
Братья чару поднимаю...

Хор ответил: На счастье!

Я встал с кресла и ватными ногами, пошатываясь, отправился как на казнь, к суфлерской будке. На репетиции дирижер говорил мне:

— Когда будешь петь, обязательно смотри на меня!

Я устал был на него быком и, следя за палочкой, начал в темпе мазурки мою арию.

Ах, друзья, какое счастье! Я теряюсь, я не смею...

Эти возгласы Стольника, очевидно, обращал к своим гостям, но я стоял к гостям спиной и не только не обращая на них внимания, но даже забыл, что на сцене существует еще кто-то, кроме меня, очень несчастного человека в ту минуту. Вытащив глаза на дирижера, я пел и все старался сделать какой-нибудь жест. Я видел, что певцы разводят руками и вообще двигаются. Но мои руки вдруг оказались невероятно тяжелыми и двигались только от кисти до локтя. Я отводил их на пол-аршина в сторону и поочередно клал на живот себе то одну, то другую. Но голос у меня, к счастью, звучал свободно. Когда я кончил петь, раздались аплодисменты. Это изумило меня, и я подумал, что аплодируют не мне. Но дирижер шептал:

— Кланяйся, черт! Кланяйся!

Выступление Шалыпина с сольной партией в «Гальке» имело для него приятные последствия. Януш Семенов-Самарский обладал юношу и увеличил ему жалование до 25-ти рублей. Федя отказался было от прибавки, говоря, что ему достаточной наградой служит уже сама работа в театре, но в конце концов, поразмыслив над своим положением, согласился.

А положение юноши было незавидное. Из двадцати рублей, которые он получал по договору, четырнадцать уходило на оплату за стол и квартиру. Шести рублей едва хватало на мелкие карманные расходы. На носу уж были крещенские морозы. Домики Уфы скрывались за сугробами снега. Федя же по-прежнему ходил в одном пиджаке, прикрываясь сверху шалью сердобольной хозяйки, у которой жил.

Еще хуже было с обувью. Сапоги, и до этого пропускавшие воду и грязь, окончательно развалились — на одном отстал подошва, у другого разошлось голенище. Показываться на улице в таком виде было стыдно, и он старался пораньше, до рассвета, прибегать в театр, а уходить на квартиру, прикрываясь ночной темнотой.

В театре любили юношу все: и артисты, и рабочие. А тот готов был в любую минуту оказать помощь своим товарищам. Он с одинаковым рвением разучивал новые партии, выполнял интимные поручения товарищей по труппе, разливал керосин в лампы, подметал сцену, помогал рабочим

устанавливать декорацию. Он готов был всего себя отдать театру. Раз даже, когда Семенову-Самарскому нужны были волосы для искусственной бороды, Федя не задумываясь отрезал клок своих волос и преподнес их антрепренеру. «Он был тронут этим жестом», — вспоминает Шалыпин. — Он не знал, что если бы ему потребовался мой палец или ухо, я охотно предложил бы ему и ухо, и палец».

Товарищи по работе видели, в каком отчаянном положении находится юноша, и старались по мере сил помочь ему. Однажды к нему обратился сам антрепренер с предложением бенефиса.

— Вы, Шалыпин, были очень полезным членом труппы, и мне хотелось бы поблагодарить Вас.

О таком счастье Шалыпин и не мечтал. Он с радостью принял предложение и тут же поведал Семенову-Самарскому свою заветную мечту — сыграть Неизвестного в «Аскольдовой могиле».

Выбор Шалыпина не был случайным. Благоговей перед своим антрепренером, он хотел во всем подражать ему, а ведь роль Неизвестного была одной из коронных ролей Семенова-Самарского. Но не только это решило выбор Феде: «Аскольдова могила» в те годы была не менее популярной оперой, чем «Иван Сусанин» Глинки. Широко используемые в опере интонации крестьянской и городской русской песни делали ее близкой Шалыпину, хорошо знавшему и горячо любившему народную песню. Удачен был выбор и тем, что уфимцы считали автора оперы Алексея Николаевича Верстовского своим земляком и гордились им. В самом деле, детские и юношеские годы Верстовский провел в Уфе, здесь учился музыке и десятилетним мальчиком уже выступал в любительских концертах. Таким образом, спектакль мог сделать и более повышенные сборы, в чем Шалыпин был не мало заинтересован.

Опера была поставлена 3-го марта 1891 года. Театр был переполнен. Погасили лампы в партере, раздвинулся занавес. На переднем плане сцены приютились несколько жилых рыбацких хижин, за ними — бескрайние днепровские дали с серебристой лентой реки. Появляется дочь рыбака, Надежда, здесь же ее возлюбленный, молодой княжеский дружинник Всеслав. На сцену выходит Неизвестный с веслом в руке. Трудно узнать в нем Шалыпина, так изменили его облик костюм, грим, борода. Только когда он говорит, можно безошибочно сказать, что Неизвестный — волжанин, так он сильно окает. В зале даже слышны смехи. Но вот Неизвестный запел, и слушатели замолкают. Небольшой, но очень симпатичный голос певца, его необычайная музыкальность и искренность исполнения покорили уфимцев. После окончания арии они наградили бенефицианта громом аплодисментов.

Бенефис удался на славу. Феде от сбора досталось 30 рублей, да публика подарила ему 50 рублей и серебряные часы. «Я купил себе верблюжье пальто, мохнатое, темно-коричневое, кожаную куртку с хлястиком — такие куртки носят машинисты — купил сапоги, перчатки и тросточку. Напялив на себя все это великолепие, я отправился гулять по главной улице Уфы, и каждый раз, когда встречный человек казался мне заслуживающим внимания, я небрежно вытаскивал из кармана мои часы и смотрел, который час. Очень хотелось, чтоб люди видели, что и я при часах», — так вспоминал впоследствии Шалыпин о своем уфимском бенефисе.

Это было последнее выступление Шалыпина в уфимском театре. Сезон кончился, наступили дни великого поста, когда все представления прекращались. Труппа Януша Семенова-Самарского уехала, Шалыпин остался. У него к этому времени родилась твердая решимость ехать в Москву и поступить в консерваторию. Но шли дни, денег на поездку оставалось все меньше. Федя начал было уже впадать в отчаяние, как однажды к нему на квартиру явился местный

меломан, адвокат Рындзюнский. Визитер предложил Шалыпину принять участие в любительских спектаклях. Юноша сразу согласился. Очередной концерт состоялся в зале губернского дворянского собрания. Шалыпин исполнил на нем арию Мефистофеля.

Прошли годы и о Шалыпине — Мефистофеле были написаны в общей сложности десятки томов. Через пять лет он пел Мефистофеля на сцене Мариинского императорского театра в Петербурге; когда в Неаполе давали торжественный спектакль в честь английского короля и дирекция театра Сан-Карло захотела блеснуть оперой — пригласили Шалыпина спеть пролог из «Мефистофеля» Бойто; когда дирекция Миланского театра «Ла Скала» задумала поставить «Фауста» Гуно, где Мефистофеля должен играть Шалыпин, она нарушила свои столетние традиции и позволила артисту поставить оперу так, как он этого пожелает. «Мефистофель» — это не только его любимая роль, — пишет в своих воспоминаниях о Шалыпине журналист и театральный критик Влас Михайлович Дорошевич. — Это почти его мученье. Его кошмар. В первый раз Мефистофель явился к нему когда-то давным-давно, в самом начале карьеры. К Фаусту он явился в costume странствующего схоластика, К Шалыпину — в costume странствующего артиста».

В первый раз — это в Уфе, в концертном зале сегодняшнего училища искусств. Не верится, что это было так давно. Сейчас здесь на концертах сидят все те, кто любит музыку, а тогда те, кто имел право на посещение дворянского собрания — отцы города, местная знать. И перед ними — Шалыпин, человек без чинов и званий, чья мать в это время ходила с нищенской сумкой по дворам в Самаре. Но у него был голос, у него был талант, и он покорила слушателей.

«Любители, публика и даже сам председатель уездной земской управы очень хвалили мой голос, говорили, что у меня есть способности к сцене и что мне нужно учиться. Кто-то предложил собрать денег и отправить меня в Петербург или Москву учиться, потом решили, что лучше мне не уезжать из Уфы, а жить здесь, участвовать в любительских спектаклях и служить в управе, где председатель даст мне место рублей на 25—30. Я буду петь и служить в управе, а тем временем добродетельные мои соборут кучу денег на мою поездку в столицу для учения», — писал впоследствии Шалыпин об этом концерте.

Но мечте Феде Шалыпина поехать в Москву так и не суждено было осуществиться. Он не выдержал сонной, размеренной жизни и в мае сбежал из города. Служба в управе не давала ему удовлетворения.

Пугала Шалыпина и жизнь, которую он наблюдал вокруг себя. Его окружали люди несчастные, забытые нуждой, постоянными заботами о хлебе насущном, стремящиеся утопить свое горе в вине. И в один из майских дней, взяв в управе суду в 15 рублей, он ночью, никому не открывшись, отправился на пристань, сел на пароход и уехал в Казань.

Так закончился «уфимский цикл» биографии Федора Ивановича Шалыпина, первая страница жизни великого артиста, имя которого по праву называют гордостью и славою искусства земли русской.

Тогда в нашем городе родился артист Шалыпин. И справедливости ради, светлой памяти Федора Шалыпина достойно установить на здании училища искусств мемориальную доску со словами: «Здесь родился великий артист Федор Шалыпин».

Е. БИРЮКОВ.